

К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ДОКТРИН САМОДЕРЖАВНОЙ И АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ

А. С. Ларионов

Тюменский государственный университет

ON THE DISTINCTION BETWEEN POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES OF AUTOCRATIC AND ABSOLUTE MONARCHY

A. S. Larionov

Tyumen State University

Аннотация: рассматривается различие между политико-правовыми доктринами самодержавной и абсолютной монархии в контексте российской и западноевропейской традиции. Актуальность темы объясняется необходимостью анализа историко-правового развития России, осмысления традиций российской государственности и их места в глобальной политико-правовой мысли. Цель исследования – выявить теоретико-правовые различия между самодержавием и абсолютизмом, акцентируя внимание на месте монарха в правовом порядке и нормативной направленности власти. Работа построена на методологических основаниях социокультурной антропологии права. В ней применяются историко-правовой и сравнительно-правовой методы с анализом теоретических и философских источников по теме. По итогам анализа автор утверждает, что самодержавие в отличие от абсолютизма включает в себя право монарха на переустройство правового порядка, а также этическую ответственность перед народом и будущими поколениями, что отличает ее от абсолютной монархии, ограниченной внешними нормативными рамками. Настоящая статья делает вклад в развитие самобытной теории российской государственности. **Ключевые слова:** самодержавие, российское самодержавие, абсолютизм, история государства и права России, история политических и правовых учений.

Abstract: the article examines the distinction between the political and legal doctrines of autocracy and absolute monarchy within the context of Russian and Western European traditions. The relevance of the topic is explained by the need to analyze the historical and legal development of Russia, to understand the traditions of Russian statehood, and their place in global political and legal thought. The aim of the research is to identify the theoretical and legal differences between autocracy and absolutism, focusing on the role of the monarch in the legal order and the normative orientation of power. The work is based on the methodological foundations of sociocultural anthropology of law. It applies historical-legal and comparative-legal methods, along with an analysis of theoretical and philosophical sources on the subject. Based on the analysis, the author asserts that autocracy, unlike absolutism, includes the monarch's right to restructure the legal order, as well as an ethical responsibility to the people and future generations, which distinguishes it from absolute monarchy, constrained by external normative frameworks. This article contributes to the development of a unique theory of Russian statehood.

Key words: autocracy, Russian autocracy, absolutism, history of state and Russia law, history of political and legal doctrines.

В современной российской юридической науке сохраняется запрос на реконструкцию государственно-правовых традиций и на уточне-

ние понятийного аппарата, используемого для описания отечественной государственности. В этом контексте особое место занимает проблематика самодержавия: несмотря на значительный объем литературы остаются дискус-

сионными его дефиниция, границы применимости термина и соотношение с близкими концептами западноевропейской политико-правовой мысли. Существенным проявлением указанной неопределенности выступает неоднозначность в вопросе о соотношении самодержавной монархии и абсолютной монархии как доктринальных конструкций.

В научной литературе устойчиво воспроизводится тенденция к сближению понятий «самодержавная монархия» и «абсолютная монархия», что проявляется как в зарубежных, так и отечественных работах. Так, отдельные исследователи квалифицируют российскую монархию XV–XVIII вв. в категориях абсолютной монархии (М. Манн¹) либо локализуют «зарождение абсолютизма» в России в рамках конкретных правлений (Ф. Лонгворт²). В отечественной традиции сходные трактовки встречаются у авторов, интерпретирующих Петровскую эпоху через призму западноевропейского абсолютизма (Н. Н. Алексеев³; И. Л. Солоневич⁴).

Наряду с этим представлена и альтернативная линия аргументации: Ф. Фельдбрюгге отмечает, что при Петре I российское самодержавие, будучи особой российской формой абсолютизма, достигло своего пика⁵. Завершение самодержавной эпохи, по мнению автора, относится к реформам Николая II, которые «ликвидировали некоторые ключевые особенности [самодержавия]»⁶. Отдельные российские историки и правоведы описывают самодержавие как самостоятельную модель верховной власти, сохраняющую внутреннюю специфику в длительной перспективе. Так, Д. Н. Альшиц, критикуя историографию за «отмену» самодержавия⁷, отме-

чает, что относительно периода Петра I сложилось ложное убеждение о приоритете полномочий Сената над императорскими, в то время как в действительности совещательный орган демонстрировал «беспрекословное, верноподданническое подчинение <...> “монаршей воле”»⁸. Современный историк А. Н. Боханов, описывая историю самодержавия, задает периодизацию от времени правления Ивана III до 1917 г. и стоит на позиции сохранности самодержавия как оригинального способа властвования на протяжении всей российской истории⁹.

Как российские, так и зарубежные ученые обсуждают два вопроса. Во-первых, дискуссионным является момент перехода к абсолютизму в эпоху Петра I. Во-вторых, под сомнением оказывается и сама возможность абсолютизма в России. В связи с этим существует необходимость сравнить содержание политико-правовых доктрин, которые определяли действия самодержавных и абсолютных государей.

Настоящее исследование исходит из того, что корректное различие самодержавной и абсолютной монархий требует обращения не к эмпирике государственного управления, а к структуре доктринальных представлений о верховной власти. Исследовательский вопрос формулируется следующим образом: в чем состоит различие самодержавной и абсолютной монархий как политико-правовых доктрин, если сравнение проводится по положению монарха относительно правопорядка и по нормативной направленности власти? Научная новизна работы заключается в предложении критерия различия, связывающего абсолютизм с представлением о верховной власти, действующей внутри правопорядка, ограниченного внешними нормативными основаниями (естественный закон/фундаментальные установления), а самодержавие – с доктринальным допущением возможности переустройства правопорядка как целого при одновременной артикуляции внутреннего механизма предела власти (самоограничение).

Целью настоящего исследования является выявление доктринальных различий между российской самодержавной монархией и западноевропейской абсолютной монархией. Методологическую основу исследования составляет социокультурная антропология права,

⁸ Там же.

⁹ См.: Боханов А. Н. Самодержавие. М.: Проспект, 2024. С. 15.

¹ См.: Манн М. Источники социальной власти : в 4 т. / пер. с англ. и науч. ред. Д. Ю. Карасева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Дело, 2020. Т. 1: История власти от истоков до 1760 года. С. 665.

² См.: Longworth P. The Emergence of Absolutism in Russia // Miller J. (ed.) Absolutism in Seventeenth-Century Europe. London: The Macmillan Press Ltd, 1990. P. 175.

³ См.: Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 45.

⁴ См.: Солоневич И. Л. Народная монархия. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2010. С. 75.

⁵ См.: Feldbrugge Ferdinand J. M. A History of Russian Law: From the Council Code (Ulozhenie) of Tsar Aleksei Mikhailovich of 1649 to the Bolshevik Revolution of 1917. Leiden; Boston: Brill Hijhoff, 2023. P. 8.

⁶ Feldbrugge Ferdinand J. M. Op. cit.

⁷ См.: Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. М.: Наука, 1988. С. 13.

в рамках которой государство и право рассматриваются как формы, производимые конкретными обществами в определенных исторических условиях¹⁰, а потому подлежащие анализу через реконструкцию смыслов и нормативных представлений, закрепленных в политико-правовой мысли.

В работе применяются историко-правовой и сравнительно-правовой методы в сочетании с доктринальным и системным анализом. Историко-правовой метод используется для контекстуализации исследуемых представлений и фиксации их генеалогии в соответствующих интеллектуальных традициях; сравнительно-правовой – для сопоставления концептуальных оснований самодержавия и абсолютизма по двум аналитическим узлам: положение монарха относительно правопорядка (источники обязательности и пределы верховной власти) и нормативная направленность власти (цели и механизм ограничения неограниченной власти). Эмпирическую базу составляют тексты западноевропейской абсолютистской традиции и российской политико-правовой мысли, рассматриваемые как источники реконструкции доктринальных представлений о верховной власти. Доктринальный анализ реализуется посредством реконструкции аргументации авторов и выявления устойчивых смысловых связей между ключевыми понятиями в пределах каждой традиции.

Объектом исследования выступают философско-правовые и политико-правовые доктрины, описывающие самодержавную монархию и абсолютизм. Предмет исследования составляют те положения указанных доктрин, которые задают допустимый объем полномочий верховной власти по отношению к правопорядку и основания, через которые обосновываются пределы данной власти. Практика самодержавного и абсолютистского властвования специально не рассматривается как самостоятельный источник доказательств и привлекается как иллюстративный материал для демонстрации частных проявлений выявленных доктринальных установок.

Исследование учитывает два методологических ограничения. Во-первых, сами понятия «самодержавие» и «абсолютизм» имеют дискуссионный характер и в литературе применяются в различных смысловых диапазонах. Во-вторых, затруднено прямое историческое сопоставление доктрин ввиду различий социокультурных контекстов их формирования. В целях минимизации влияния указанных ограничений анализ сосредоточен на сравнении «управляющих идей», т. е. на тех нормативных и концептуальных конструкциях, которые определяют место монарха в правопорядке и задают внутреннюю логику обоснования верховной власти.

онный характер и в литературе применяются в различных смысловых диапазонах. Во-вторых, затруднено прямое историческое сопоставление доктрин ввиду различий социокультурных контекстов их формирования. В целях минимизации влияния указанных ограничений анализ сосредоточен на сравнении «управляющих идей», т. е. на тех нормативных и концептуальных конструкциях, которые определяют место монарха в правопорядке и задают внутреннюю логику обоснования верховной власти.

Отношение государя к правопорядку

Среди отличительных черт самодержавия и абсолютизма особо заметным является отношение государя к правопорядку.

Идея абсолютной монархии, происходящая из западноевропейской богословской традиции, изначально содержала некоторый предел власти монарха. Признавая за ним право на *potestas absoluta*, т. е. власть вмешиваться в установленный порядок, равную власти Бога и Папы¹¹, абсолютистская доктрина, тем не менее, обязывала монарха соблюдать общее право и законы природы: «Монарх действует в условиях уже существующего порядка, установленного самой природой, и по этой причине его власть оказывается и абсолютной, и ограниченной уже существующими предписаниями»¹².

Английский историк средневековой политической мысли Дж. Х. Бёрнс обнаруживает этот тезис в классических работах по абсолютизму. Комментируя сочинение Жана Бодена, Дж. Х. Бёрнс отмечает: «Абсолютный суверенитет боденовского монарха должен быть ограниченным, поскольку прежде нужно учесть фундаментальные законы (или в современной терминологии – конституционные)»¹³. То же верно и относительно идей Томаса Гоббса, который считается апологетом абсолютной монархии¹⁴: «И даже Гоббс никогда не отрицал, что суверен связан законами природы и законами

¹¹ См.: Ландина Л. В. Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в. / под науч. ред. В. С. Кошелева. Минск: Энциклопедикс, 2020. С. 19.

¹² Там же. С. 20.

¹³ Burns J. H. The Idea of Absolutism // Miller J. (ed.) *Absolutism in Seventeenth-Century Europe*. London: The Macmillan Press Ltd, 1990. P. 38.

¹⁴ См.: Ландина Л. В. Указ. соч. С. 22.

Бога»¹⁵. При этом нарушение таких законов, согласно позиции американского социолога власти М. Манна, является единственным основанием возникновения у подданных «остаточного права на восстание против [абсолютного монарха]»¹⁶. Названные позиции могут быть суммированы в следующую боденовскую формулу: «монарх <...> обладает властью как легитимный суверен только в пределах системы, которая не им создана и не ему ее изменять»¹⁷.

В теории абсолютной монархии верховная власть обладает исключительным правом устанавливать и изменять все элементы государственного устройства, включая законы, институты и механизмы управления. Однако в рамках абсолютизма существуют ограничения, определенные нормативными основаниями, которые не могут быть подвержены изменению монархом. Эти основания включают законы природы, божественное право и фундаментальные законы, которые служат внешними пределами власти. Абсолютный монарх, несмотря на свою неограниченность внутри правопорядка, не может пересматривать эти внешние принципы, хотя и обладает возможностью изменять позитивное законодательство.

Из иных оснований происходит идея самодержавной монархии. Евразиец Н. Н. Алексеев, описывая самодержавную монархию XVI–XVII вв., отмечает, что идеология московской монархии, построенная вокруг иосифлянского течения в церковной мысли, соединила идеи монархии с идеями царебожия¹⁸, заявляющими отражение небесного порядка в земном¹⁹. Такая постановка вопроса отличается от абсолютистской традиции, в которой земной порядок подчиняется небесному, а не копирует его. Из этого следует, что для московской самодержавной монархии (иосифлянства) государь-самодержец в земном мире является отражением Бога в мире небесном, т. е. занимает центральное положение в системе властеотношений и наделен исключительными полномочиями, включая право на создание и переустройство правопорядка.

Примеры таких социально-политических преобразований в российской истории встречаются регулярно. Так, опричнину Ивана IV, послу-

жившую инструментом для централизации государственного управления и изменения структуры элит в Московском царстве, Д. Н. Альшиц называет необходимым инструментом формирования самодержавного государства²⁰, а Н. Н. Алексеев характеризует не иначе как «революцией сверху, которая по своим ужасам не уступает революциям снизу»²¹. Сам этот термин – «революция сверху» – ввел в научный оборот советский историк Н. Я. Эйдельман, который ставит в один ряд преобразования Петра I, Александра I, Александра II как примеры коренных изменений жизни государства, инициированных и реализованных исключительно за счет инициативы государя. Историк отмечает: «Занявшая почти весь XVIII в., российская революция сверху напугана перспективами гигантской революции снизу. Поэтому делаются попытки контрреволюции, что в российских условиях не может быть произведено иначе, как тоже сверху»²².

В этом смысле любые государственные преобразования в России, как реформационные, так и контрреформационные, осуществляются исключительно действиями верховной власти, которая для этого наделена достаточными полномочиями и имеет реальную возможность реализовать реформы любого масштаба. Следует учесть, что речь идет именно о коренных преобразованиях, радикально переустраивающих правопорядок, механизм государства и структуру отношений в обществе.

В отличие от абсолютного монарха самодержавный правитель обладает внутренним правом переустройства самого правопорядка. Это право не просто исключение, но неотъемлемая часть доктрины самодержавия, где государь воспринимается не только как высшая власть, но и как инициатор изменения основ правопорядка. В этой доктрине самодержец способен переделать структуру и фундаментальные элементы порядка, включая законодательно закрепленные институты, распределение прав и обязанностей между государственными органами и частными лицами. В отличие от абсолютизма, где монарх ограничен внешними нормативными рамками, самодержавие допускает фундаментальные изменения правопорядка

¹⁵ Burns J. H. Op. cit. P. 39.

¹⁶ Манн М. Указ. соч. С. 665.

¹⁷ Burns J. H. Op. cit. P. 30.

¹⁸ См.: Алексеев Н. Н. Указ. соч. С. 88.

¹⁹ См.: Там же. С. 76.

²⁰ См.: Альшиц Д. Н. Указ. соч. С. 235.

²¹ Алексеев Н. Н. Указ. соч. С. 71.

²² Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989. С. 76–77.

при условии соблюдения внутреннего механизма ограничения власти.

Этические основания властвования

Другое основание для различения самодержавной и абсолютистской доктрин – этические основания властвования монарха.

Абсолютизм как доктрина часто основывается на концепции порядка и общего блага, где верховная власть монарха обосновывается не личной моральной ответственностью, а необходимостью поддержания стабильности и защиты существующего правопорядка. Об общем благе высказывался еще Ж. Боден: «...власть осуществляется не для блага или личной выгоды самого правителя, но для морального или материального удовлетворения его подданных»²³. В этой традиции власть монарха воспринимается как продолжение естественного порядка, где его действия должны обеспечивать соблюдение установленных внешних норм, таких как естественные законы и божественные предписания. Такая позиция ориентирована на сохранение существующих институтов и порядка в государстве, а монарх считается лишь стражем и гарантом этих институтов, уполномоченным вводить новые правила лишь в интересах общего блага и в рамках представлений о естественных законах²⁴.

Однако в доктрине самодержавия этическая телеология власти значительно отличается. Самодержавие требует не только поддержания порядка, но и преобразования самого правопорядка с целью улучшения его для будущих поколений. Государь, согласно этой доктрине, несет моральную ответственность перед государством и обществом, служа не только как хранитель текущего порядка, но и как основа будущих преобразований. Об этом высказывается П. Е. Казанский, осмысляющий место государя в механизме государства²⁵.

Важным моментом в самодержавной доктрине является и то, что самоограничение власти не является внешним, как в абсолютизме, а происходит внутри системы власти. Российский правовед Н. А. Захаров в начале XX в. разработал авторскую концепцию системы государствен-

ной власти России, в соответствии с которой самодержавная власть представляется отдельной ветвью власти, наделенной учредительными полномочиями, а самодержец в пределе способен приостанавливать действие правопорядка и переустраивать его²⁶. Между тем власть самодержавного монарха ограничена им самим: «история монархической власти в России – это история ее самоограничения»²⁷. Так, самодержец, обладая полномочиями для кардинальных изменений правопорядка, тем не менее обязан ограничивать свои действия внутренними нормами и моральными критериями, что находит выражение в его «служении» на благо государства и народа.

Наконец, российская самодержавная монархия также в доктрине включает особый этический дискурс, который не просматривается западными исследователями. Для западной науки свойственно рассматривать самодержавную монархию как синоним абсолютизма (Д. Ливен)²⁸, особый символический порядок (Р. Уортман²⁹), а также следствие экономических отношений использования земли (Р. Пайпс³⁰). Между тем исследователи, осмысляющие самодержавную монархию, также наделяют ее особыми метафизическими свойствами. Так, Л. А. Тихомиров описывает самодержавную монархию как следствие особого миропонимания, основанного на христианском мирозерцании, отказе от деятельной позиции, а также целях жизни русского человека, лежащих за пределами земного существования³¹. Суть царской власти, по Л. А. Тихомирову, выходит за пределы простого представительства, а является проявлением божественной воли и установлена для блага народа, «если он не является безбожным»³².

²⁶ См.: Захаров Н. А. Система русской государственной власти. Новочеркасск : Электро-типография Ф. Туникова, 1912. С. 301.

²⁷ Солоневич И. Л. Указ. соч. С. 132.

²⁸ См.: Lieven D. Russia as empire and periphery // Lieven D. (ed.) The Cambridge History of Russia. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. Vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917. P. 11.

²⁹ См.: Wortman R. Russian Monarchy as the Symbolic Sphere // Wortman R. Russian Monarchy : Representation and Rule. Boston : Academic Studies Press, 2013. P. 15.

³⁰ См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. М. : Независимая газета, 1993. С. 11.

³¹ См.: Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М. : Облиздат : Алир, 1998. С. 218.

³² Там же. С. 235.

²³ Burns J. H. Op. cit. P. 31.

²⁴ См.: Ibid.

²⁵ См.: Казанский П. Е. Власть всероссийского императора. Очерки действующего русского права. Одесса : Техник, 1913. С. 716–717.

Так, хотя абсолютная монархия и легитимируется теологическими основаниями, уполномоченный Богом монарх скорее представляет собой руководителя, обеспечивающего благо своих подданных в период властвования. Кроме того, прерогативы абсолютного монарха изначально ограничены в силу доктрины. В то же время самодержавный монарх приближается к трансцендентной модели представительства, т. е. несет ответственность не только за благо современников, но и за устойчивость своего будущего государства в интересах будущих поколений подданных. Кроме того, доктрина самодержавной монархии оставляет за государем предельно неограниченные полномочия, которые он самостоятельно осознанно ограничивает до такой степени, которая позволяет ему наилучшим образом реализовывать свои обязанности. Наконец, свойственный для российской доктрины дискурс об особых этических основаниях власти государя, совершенно не просматривается западными исследователями, мыслящими категориями абсолютной монархии. Этот компонент также отличает самодержавную монархию от абсолютной.

Таким образом, самодержавная и абсолютная монархии на уровне доктрины имеют ряд различий:

- в абсолютизме монарх ограничен внешними нормативными рамками, такими как природные и божественные законы, и воспринимается как исполнитель этих внешних установок. Самодержавие, в отличие от абсолютизма, воспринимает государя не только как исполнителя, но и как творца новых основ правопорядка, в чем заключается его уникальная роль;

- этическая ответственность в абсолютизме связана исключительно с поддержанием существующего порядка, а в самодержавии этическая направленность власти включает элементы моральной ответственности за будущее развитие государства и необходимость структурных реформ.

- в абсолютизме внешние ограничения власти предполагают контроль за действиями монарха через концепты естественного права и божественного порядка. В самодержавии ограничение происходит через внутреннюю ответственность монарха перед народом и будущими поколениями, что выражается в механизме самоограничения.

Американский историк-русист Ф. Лонгворт отмечает, что российский абсолютизм «прожил, хоть и с небольшими изменениями, до начала двадцатого века, пережив все европейские абсолютистские режимы»³³. Действительной причиной такого парадоксального долгожительства «русского абсолютизма» может быть ошибочное отождествление самодержавной и абсолютной монархий. Детальный анализ показывает, что при сохранении внешних форм выражения (сильной централизованной власти или особого церемониального порядка), содержание этих политико-правовых концептов различается. Весьма вероятно, что ответом на удивление Ф. Лонгворта может быть тезис о наличии в России самобытной самодержавной монархии, которая в действительности не являлась разновидностью абсолютизма.

Библиографический список

- Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. М. : Аграф, 1998. 640 с.
- Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. М. : Наука, 1988. 245 с.
- Боханов А. Н.* Самодержавие. М. : Проспект, 2024. 351 с.
- Захаров Н. А.* Система русской государственной власти. Новочеркасск : Электро-типография Ф. Туникова, 1912. 324 с.
- Казанский П. Е.* Власть всероссийского императора. Очерки действующего русского права. Одесса : Техник, 1913. 1000 с.
- Ландина Л. В.* Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в. / под науч. ред. В. С. Кошелева. Минск : Энциклопедикс, 2020. 816 с.
- Манн М.* Источники социальной власти : в 4 т. / пер. с англ. и науч. ред. Д. Ю. Карасева. 2-е изд., испр. и доп. М. : Дело, 2020. Т. 1 : История власти от истоков до 1760 года. 776 с.
- Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М. : Независимая газета, 1993. 423 с.
- Солоневич И. Л.* Народная монархия. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. 624 с.
- Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М. : Облиздат : Алир, 1998. 672 с.
- Честнов И. Л.* Постклассическая социокультурная антропология права как направление в современной юриспруденции // Вопросы правоведения. 2014. № 4 (26). С. 55–70.
- Эйдельман Н. Я.* «Революция сверху» в России. М. : Книга, 1989. 176 с.

³³ Longworth P. Op. cit. P. 193.

Burns J. H. The Idea of Absolutism // Miller J. (ed.) Absolutism in Seventeenth-Century Europe. London : The Macmillan Press Ltd, 1990. P. 21–43.

Feldbrugge Ferdinand J. M. A History of Russian Law : From the Council Code (Ulozhenie) of Tsar Aleksei Mikhailovich of 1649 to the Bolshevik Revolution of 1917. Leiden ; Boston : Brill Hijhoff, 2023. 444 p.

Lieven D. Russia as empire and periphery // Lieven D. (ed.) The Cambridge History of Russia. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. Vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917. P. 9–27.

Longworth P. The Emergence of Absolutism in Russia // Miller J. (ed.) Absolutism in Seventeenth-Century Europe. London : The Macmillan Press Ltd, 1990. P. 175–195.

Wortman R. Russian Monarchy as the Symbolic Sphere // Wortman R. Russian Monarchy : Representation and Rule. Boston : Academic Studies Press, 2013. P. XIII–XXVI.

References

Alekseev N. Russian People and the State. Moscow : Agraf, 1998. 640 p.

Alshits D. The Beginning of Autocracy in Russia : The State of Ivan the Terrible. Moscow : Nauka, 1988. 245 p.

Bokhanov A. Autocracy. Moscow : Prospekt, 2024. 351 p.

Zakharov N. The System of Russian State Power. Novocherkassk : F. Tunikov Electro-Printing House, 1912. 324 p.

Mann M. The Sources of Social Power. Vol. 1 A History of Power from the Beginning to AD 1760. Moscow : Delo Publishing House, RANEPА, 2020. 776 p.

Kazanskii P. The Power of the All-Russian Emperor : Essays on Current Russian Law. Odessa : Tekhnik Printing House, 1913. 1000 p.

Landina L. Absolutism and Absolute Monarchy in Russian Historiography of the Late Nineteenth – Early Twenty-First Century. Minsk : Entsiklopediks, 2020. 816 p.

Pipes R. Russia under the Old Regime. Moscow : Nezavisimaya Gazeta, 1993. 423 p.

Solonevich I. The People's Monarchy. Moscow : Institute of Russian Civilization, 2010. 624 p.

Tikhomirov L. A. Monarchical Statehood. Moscow : Oblizdat : Alir, 1998. 672 p.

Chestnov I. Postclassical Sociocultural Anthropology of Law as a Direction in Contemporary Jurisprudence // Legal Studies Issues. 2014. No. 4 (26). P. 55–70.

Eidelman N. «Revolution from Above» in Russia. Moscow : Kniga, 1989. 176 p.

Burns J. H. The Idea of Absolutism // Miller J. (ed.) Absolutism in Seventeenth-Century Europe. London : The Macmillan Press Ltd, 1990. P. 21–43.

Feldbrugge Ferdinand J. M. A History of Russian Law : From the Council Code (Ulozhenie) of Tsar Aleksei Mikhailovich of 1649 to the Bolshevik Revolution of 1917. Leiden ; Boston : Brill Hijhoff, 2023. 444 p.

Lieven D. Russia as empire and periphery // Lieven D. (ed.) The Cambridge History of Russia. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. Vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917. P. 9–27.

Longworth P. The Emergence of Absolutism in Russia // Miller J. (ed.) Absolutism in Seventeenth-Century Europe. London : The Macmillan Press Ltd, 1990. P. 175–195.

Wortman R. Russian Monarchy as the Symbolic Sphere // Wortman R. Russian Monarchy : Representation and Rule. Boston : Academic Studies Press, 2013. P. XIII–XXVI.

Тюменский государственный университет
Ларионов А. С., аспирант
E-mail: alelario@icloud.com

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Для цитирования:

Ларионов А. С. К вопросу о различении политико-правовых доктрин самодержавной и абсолютной монархии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 1 (64). С. 42–48. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/1/42-48>

Tyumen State University
Larionov A. S., PhD Student
E-mail: alelario@icloud.com

Received: 15.01.2026

For citation:

Larionov A. S. On the distinction between political and legal doctrines of autocratic and absolute monarchy // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 1 (64). P. 42–48. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/1/42-48>